

ИСТОРИЯ РАННИХ ТУРЕЦКО-РУССКИХ КОНТАКТОВ НА ПРИМЕРЕ СЛОВА БУРКА

Г.К. Валеев

кандидат филологических наук,
профессор кафедры филологии Костанайского филиала
Челябинского государственного университета,
действительный член Международной тюркской академии
Челябинск, Россия
vgadel@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14565094>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы дифференциации и классификации тюркизмов русского языка по хронологическим срезам и языковым группам. Турцизмы являются последними по времени заимствования массовыми новациями из тюркских языков. Автор рубрицирует их по диахроническим и языковым в следующие группы: а) «достоверные» турцизмы, с доказательной исторической и языковой базой; б) турцизмы, имеющие общие параметры с другими языками огузской группы; в) турцизмы, имеющие в качестве языков-посредников: тюркские языки; славянские языки; языки из других языковых семей и групп. На примере историко-этимологического анализа слова бурка демонстрируется, что для определения этимона слова необходимо учитывать по памятникам хронологию и ареал заимствованного слова не только в русском языке, но и в соседних языках и анализировать его дистрибуцию и дискурс. Доказывается, что слово бурка является русским дериватом от турецкого урбанонима Бурса, возникшего в результате универбации сочетания бурская епанча.

Ключевые слова: русский язык, турецкие лексические заимствования, классификация, этимология слова бурка.

Непрерывные исторические связи славян с тюркскими народами насчитывают более полутора тысяч лет. Лесостепные пространства Прикаспия и Причерноморья являлись этноконтактной зоной восточных славян с гуннами, аварами, хазарами, булгарами, огузами, печенегами, кыпчаками, половцами, татарами. Поэтому акад. Н.К. Дмитриев выделение восточных элементов русского словаря называл «основной проблемой нашего востоковедения» или даже «кардинальной проблемой русской науки» [1, с. 14].

Систематический интерес к восточным словам в русском языке возник еще в XVIII веке. Первый известный опыт принадлежит Василию Тузову, который в 1769 году в сатирическом журнале «Поденщина» представил словарь русских слов, сходных со словами восточных языков. В 1812 году Общество любителей русской словесности при Московском университете выдвинуло конкурсную тему исследования о влиянии других языков на русский язык, где должен был рассматриваться и вопрос о вкладе «татарского языка» (т. е. тюркских языков) в русский словарь. Но такое исследование, судя по работе Н.К. Дмитриева, до

последнего времени осталось невыполненным. Достаточно взглянуть, напр., на стилистические пометы на букву «Б» в четырехтомном академическом «Словаре русского языка» [2, с. 53-151]. Большая часть тюркизмов никак не выделена: *балабан, баран, барбос, барс, барсук, бархат, бурка, бурун, бурый* и др. По-прежнему находим полное ничем необоснованное смешение помет *тюрк(ское), тур(ецкое), татар(ское)*. Редчайшие пометы *каз(ахское) - бархан, (туркмен)ское - буерак, аз(ербайджанское) - бурдюк* никак не подтверждаются этимологическими словарями. Полностью игнорируется ареал бытования и миграция слов. Если в заимствованиях из западных языков частично прослеживаются языки-посредники *бивак* [фр. от нем.], *бамбук* [фр. от малайск.], то большое число тюркизмов игнорируется, они отнесены сразу к языку-источнику: *перс(идское) - бадья, базар, бакшиш, бахча; ар(абское) – бисер, бязь; монг(ольское) – баламут* и т. д. Ряд тюркизмов скрыт за пометами *уст(арелое), обл(астное): батог, баштан*. Слово *башибузук* снабжено пометой *тюрк(ское)*, хотя прямо в дефиниции слова говорится, что это «солдат нерегулярных конных частей турецкого войска».

В череде славяно-тюркских связей восточно-славянско-турецкие, вернее русско-турецкие контакты, хронологически стоят последними. Основным характеризующим признаком лексических заимствований является фонетический облик слова. Однако для дифференциации заимствований из одной языковой семьи или группы тюркских языков, как в данном случае отделение турцизмов от заимствований из азербайджанского, туркменского, гагаузского, диалектов узбекского (хорезмийского), крымско-татарского или более древнего – печенежского языков, весьма сложно и проблематично. Об этом точно высказался акад. Б.Я. Владимирцов: «Вопросы языковых отношений, заимствований из одного языка из другого интересны не только с одной лингвистической точки зрения. Они любопытны во многих отношениях: слова заимствуются народами друг у друга всегда с идеями или материальными предметами, которые они обозначают; изучая заимствования мы изучаем передвижение идей и вещей» [3, с. 309].

Так как турецко-русские взаимоотношения проходили уже в письменный период обоих народов и были в целом межгосударственными, то очень важен **учет хронологии заимствования**. Первый межгосударственный договор Оттоманская Порта и Москва по инициативе последней заключили в 1492 г. Уже в первой направленной турецкому султану грамоте от 31 августа 1492 г. признается, «хотя меж нами с тобою наши люди не ежжевали нашего здоровья видети», но «наши гости из наших земель в твои ездят, нашим и вашим людям

корысти быввало». Но только с конца XV в. установились регулярные торговые связи, дипломатические сношения и началась многовековая военно-политическая конфронтация.

Восприятие русским языком турцизмов нарастает с XVI в. по XVIII в., а к концу XIX в. они фактически исчезают. Турцизмы, как и любые другие заимствования, имеют разную степень хронологической, географической и социальной распространенности. По сфере употребления турцизмы можно разделить на лексические заимствования русского литературного языка, узуальную общепонятную лексику определенного хронологического среза, которую по чисто классификационным соображениям делим на группы: диалектная лексика, профессиональная, терминологическая, бытовая, военная, политическая, административная, дипломатическая и т. д. Важнейшую роль при этом сыграло место и время первой фиксации турцизма. При выборке достоверных и потенциальных турцизмов мы воспользовались работами Н.К. Дмитриева [4], А.Н. Кононова [5], Е.Ф. Карского [6], В.Д. Бондалетова [7], И.Г. Добродомова [8], Е.Н. Шиповой [9], Юнала Керими [10] и других авторов.

Мы разделили турцизмы на несколько групп:

а) «достоверные» турцизмы, в которой преобладает военная, административная, политическая лексика, напр.: *аскер, башибузук, янычар, делибаши, сераскер, сердар, санджак, кизилбаши, гайдамак, ятаган, тулумбас, татаур, паша, пашалык, султан, султанат, визирь, наиб, ага, чауш (чаус), матрабаз, харцыз, кирджали, лафа, каторга, яла, харч, бей, бейлик, байрак, байрактар, палаши, аман, бакалея, буздыхан, вилайет, драгоман, зуфь, каланча, кальян, хамса, кутас, джирит, луфарь, люфа, набат, сандал «судно», марафет, мишень, тафта, фарфор, ферзь, фисташка, халиф, ханжа, гашиш, шериф, шубаши, ягма, осман, кобура, куртка, каюк, аталык, фелюга, бунчук, гяур, чепрак, чикчиры, шальвары, алтабас, шербет, баклмжан, бергамот, пилав, кармазин, сабур, сарыч, селямлик, фундук, гарем, кандалы, фес, фирман, чекан, чердак;*

б) «огузизмы», первородство которых с турецким оспаривают другие огузские (и не только) языки, они указаны в скобках, напр.: *баштан* (азерб.), *суджук* (азерб.), *харал* (азерб.), *тютюн* (азерб., туркм.), *мутака* (азерб.), *чоха* (азерб.), *чурек* (азерб.), *шептала* (азерб.), *бязь* (туркм., узб.), *айва* (крым.-тат.), *алыча* (крым.-тат.), *чатала* (крым.-тат.), *бахча* (азерб.), *нагара* «накры» (узб.), *инжир* (узб.), *урюк* (уйг.), *киса* (узб.), *кисет* (узб.), *кисея* (узб.), *халва* (азерб., туркм.);

в) турцизмы, пришедшие через славянские языки: *гайдамак* (укр.), *кавун* (укр.), *люлька* (укр.), *леvenes* (укр.), *сердюк* (укр.), *вурдалак* (ю-слав.), *чердак* (ю-слав.);

г) турцизмы, пришедшие через нетюркские языки: *киоск* (фр. *kiosque* < н.-гр. < турец. *кешк*), *одалистка* (фр. *odalisque* < турец. *одалык* «наложница»), *сераль* (фр. *serial* < турец. «замок, вилла, дворец»), *диван* (возможно, фр.), *доломан* (венг.), *табор* (венг.), *гайдук* (венг.), *софа* (фр.), *шандал* (фр. *chandelle*), *йогурт* (анг.);

д) турецкие параллели к другим заимствованным тюркским словам: *атаман*, *ватаман* (турец. аталык), *товар* «военный лагерь», *товарищ* (турец. *табор*); *бек*, *бий*, *улубий* (турец. *бег*) *делюш* (турец. *делибаши*) *айда*, *айдате* (укр. *гайдамак* < турец.) *сарай* (фр. *сераль*), *дуван*, *дуванить* (фр. < турец. *диван*), *плов* (турец. *пилав*), *шаровары* (турец. *шальвары*); *йогурт*, *ягурт*, *яурт* – *йогурт* англ. < турец.

Наша картотека насчитывает более 350 слов, претендующих быть турецкими заимствованиями русского языка.

Лингвистическое сознание очень консервативно. Слово из основного словарного фонда русского языка, фонетически, грамматически и деривационно вросшее в структуру языка, убедить признать заимствованным, почти невозможно.

Одновременно, если слово кем-то объявлено **тюркизмом** только по внешним фонетическим показателям или только по принадлежности к восточному ареалу, очень трудно убедить языковую общественность в обратном. Небрежность или невнимание к употреблению слова в текстах оборачивается ошибками, многократно повторенными и умноженными в статьях, словарях, энциклопедиях, учебниках и популярных изданиях.

Такой поучительный пример изолированного, в отрыве от текста, изучения значения слова являет нам история слова **бурка**. Надо сразу признать, что нет единого общепринятого толкования слова.

Историки языка связывают слово *бурка* с тюркским по происхождению прилагательным *бурый* (Брюкнер, Маценауэр, Фасмер, Рудницкий, Черных), через кавказское посредничество с иранским *bärk* «плечо, лопатка» (Рейф, Миклошич, Горяев, Огиенко, Локач, Шанский), с среднелатинским *burra* «шерсть, стриженная овца, грубая мохнатая одежда» (Карский, Садник, Айцетмюллер), с венгерским *burok*, *burkolat* «покрывало, одежда, попона» (Дмитриев), считают непосредственным заимствованием из тюркских языков *bür* // *bürk* «морщить, закрывать, кутаться»; *börük* «шапка» (Дмитриев, Булыка,

Журавский, Шипова, Юналеева) и т.д. Слово известно только в восточнославянских памятниках, в остальных славянских языках считается заимствованием из русского языка. Хотя бурку прочно связывают с кочевым бытом и кавказским ареалом, ни в одном из старотюркских памятников он не фиксируется, а в современных тюркских языках снова его считают воспринятым из русского.

Самая ранняя регистрация слова в “Реестре пана Солътана скаръбу, што у Вильни былъ пры немъ” в 1516 г.: “*Летникъ, камки, бурки, заставки камъчатые на золоте. Запона, камки, бурки, плащъ бурнатны*” [11, с. 716]. Трудно представить, что одежда, столь нужная в кочевых и походных условиях, в сельской жизни, стала известной русским только с XVI в. А.С. Пушкин сразу оценил практическую ценность бурки: “Бурка не промокает и влажна только сверху, следовательно, можно спать под нею, когда нечем иным покрыться, а сушить нет надобности” (Письмо П.А. Вяземскому, 14.10.1823).

Действительна, такая одежда была известна русским издревле и называлась *епанчой*. *Япончица* упоминается уже в “Слове о полку Игореве”: “*Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ и всякими узорочьи коловецкыми*”. Этимологи однозначно возводят слово к тюркскому корню *jar-* “покрывать” (Березин, Мелиоранский, Попов, Менгес, Баскаков и др.).

По западнорусским и московским памятникам конца XV – XVII веков *епанча* дифференцируется по цвету: *япанча черна*, 1615 [12]; *епанча чорная* 1665; *япунча белая*, 1638, *японча бела*, 1605; по качеству: *епанча нова*, 1585; *епанча валеная* 1666; *епанча сермяжная валеная* 1679; *епанчи суконные однорядные*, 1661; *епанча зипунъ* 1680; по месту изготовления или, возможно, по покрою: *епанча черкасская*, 1645; *епанча войлошная калмыцкая ж* 1654; *епанча, японча бур(ь)ская* 1488 (трижды), 1489 (дважды), 1504. По торговым, таможенным актам, судным делам и закладным загадочное определение *бур(ь)ская* встречается и с другими товарами: *шолк бурский цветной и чорный*, 1605; *шолк бурский чирвоный*, 1577 [13, с.219] ; *шолк лазоревъ бурский*, 1673; *шолк красный бургской*, 1673; *шелк Бурский червчатый*, 1501, 1509, *камка бурская*, 1488, 1589, 1642; *камочка бурская цветная*, 1634, *тафты червчатые бурские*, 1484; *бархат бурский*, 1599 *на соболах*, 1635; *полукосяк* (оптовая мера ткани – Г.В.) *бурский*, 1586; *кушак бурской*, 1582 [14, с. 1586]; *платенка бурская*, 1625 [13, с. 219]; *бурские квасцы*, 1763.

Сочетание *японча, епанча бурская* хронологически чуть предшествует и соседствует с *буркой* и ее польским эквивалентом *orończa*, 1496 [15, s. 607; s.

49], который еще 27 раз повторяется в польских документах XVI в., причем трижды как *jorończa, jarończa* [16, s. 557] и ясно показывает детерминативную связь между ними: универбацию *епанча бурская, опанча бурьская*, 1526 [17, с. 74] – *опанча бурка*, 1595 [18, с. 250] – *бурка*. Как показывают примеры вплоть до конца XVIII в. епанча и бурка понимались адекватно: “Епанчи или бурки, также войлочные, надеваются на левое плечо, так чтоб правое плечо и рука были свободны” Исторический и географический месяцеслов на 1791 г.; *Из сей же травы плетут они епанчи во всем подобныя нашим старинным буркам: ибо оныя с исподи гладки, а сверху мохнаты*, “Описание земли Камчатки” С.П. Крашенинникова, 30-40-е гг. XVIII в. [19, с. 169].

Чтобы поставить точку в этимологии слово *бурка*, необходимо, кроме выяснения его образования, установить происхождение загадочного топонимического деривата *бур(ь)ский*, ускользнувшего из поля зрения исследователей, в том числе составителей академических “Словаря русского языка XI – XVII вв.” и “Словаря русского языка XVIII в.”.

Мне удалось выяснить: *бурскими* назывались товары, производившиеся в Бурсе, его окрестностях, во всей турецкой Анатолии и шедшие транзитом из Средней Азии, Китая, Индии, Египет через Персию - Тебриз, затем через османскую Бурсу.

В 1326 г. второй османский правитель Орхан Гази захватил Бурсу, незначительный в то время город на окраине христианского мира. Началось широкомасштабное строительство, призванное сформировать новый мусульманский облик города, в 1328 г. здесь впервые стала чеканиться серебряная монета – акче, в 1337 году Бурса стала столицей османского государства, а при султани Баязите I Молниеносном город превратился в ключевой узел торгового пути из Тебриза в Константинополь. Несмотря на перенос столицы в 1362 г. в Адрианополь-Эдирне, затем с падением Константинополя в 1453 г. в Стамбул на протяжении нескольких веков Бурса оставалась одним из главных ворот внутренней и евразийской торговли империи.

В Анатолии XIV – XV вв. достаточно производились и шли на продажу пшеница, ячмень, бобовые, воск, мед, квасцы, пенька, кунжутное семя, обработанные солью козлиные шкуры, красный сафьян, лен, ковры с мохнатым ворсом, попоны, войлок, ладанная камедь, “турецкий бархат”, хлопок, бязь [20, с. 80, 81, 109]. Позднее знаменитый путешественник Эвлия Челеби отметил белизну шелковой ткани, получаемой в Тире, высокое качество хлопка Бальямбулу и Назилли, в Ментеше – изделия из войлока, изготавливаемой

населением касабы Йеркесик. Здесь делали целые войлочные хырки и ямурлуки, молитвенные коврики седжаде и войлочные кюлахи и берке из красного батиста [21, s. 206]. Крупными центрами ковроткачества были Конья, Ушак, Спарта, Гердес, Демирджик и другие города. Большим спросом пользовались ткани из козьей шерсти из Анкары. Бурса производила дорогие бархатные и шелковые ткани, большая часть которых также вывозилась в другие страны. Изделиями из меди прославились Диярбакыр, Эрзурум, Кастамону, крупнейшими центрами керамического производства были Кутахья, Изник.

Османы согласно продуманной стратегии вместе с развитием ремесленного производства в своей стране постепенно установили контроль и обеспечили безопасность торгового пути по Анатолии через Амасью – Токат – Эрзинджан, минуя тогда еще греческий Трапезунд-Трабзон [22, с. 65-67].

Все-таки даже в начале XV в. караванный путь из Персии был опасен. Вот как описывает его посланник короля Кастилии и Леона ко двору Тимура Рюи Гонзалес де Клавихо: "... наши и турецкий посланник выехали из города Туриса (в Персии – *Г.В.*). С ними отправился Чакатай, который должен был их сопровождать, и еще присоединился караван в двести лошадей, нагруженный товарами, который шел в Турцию, в город Бурсу; они хотели идти вместе, потому что боялись разбойников" [23, с. 376]. На Великом шелковом пути основным товаром оставались по-прежнему шелковые ткани, интерес к которым не ослабевал, наряду с китайским, гилянским, шемахинским, бедерским, кызылбашским шелком, камкою, тафтою, кашемирскими шальями везли кимхаб, парчу, тафту, атлас, сендаль из Багдада, камку мисюрскую, куфтерь, адамашку, кармазин, камку-соломянку, жемчуг гурмыжский, ювелирные изделия, золото и драгоценности из Индии и Бухары, щиты, сабли и другое оружие из Бухары и Дамаска, шерсть, бурнусы, тюрбаны, одежду из Египта, индийские пряности и благовония – мускус, алоэ, амбру [24, с. 143,149].

Для знаменитого путешественника Эвлия Челеби Бурса служит мерилom величия и достатка. Находясь в Тарки на берегу Каспия, он замечает, что "этот город не застроен как Дамаск и Халеп, Бурса и Маниса", о крепости Ареш недалеко от Гянджи в Азербайджане пишет: "...теперь это красивый город...подобно городу Бурсе", в Амасье – "большинство рынков каменные и прочные, как базар в Бурсе" [25, с. 72, 157].

В 1497 г. в Стамбул прибыло московское посольство во главе с Михаилом Андреевичем Плещеевым. Между двумя странами окрепли торговые связи, и

именно к последовавшему за этим периоду приурочиваются появление турецких (бурских) товаров на российском рынке: турецкого (бурского) бархата; атласа, шелков, камок, тафты, парчи бурских, красного сафьяна, квасцов, шафрана, чернильных орешков, ковров с мохнатым ворсом, кушаков, платьев бурских, ямурлуков – тур. *yağmurluk* [jamurluk] “дождевик, плащ”, епанчи – тур. *uarpınca* [jarunçak] бурской, ставшей в результате универбации – буркой.

Так, *бурка*, русское слово с турецкими корнями увековечило имя турецкого города в русском языке и является, возможно, самым ранним языковым памятником турецко-русских культурных контактов.

Литература

1. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник: Выпуск 3. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. – С. 3-47.
2. Словарь русского языка: В 4 т. Т. I.: А – Й / АН СССР : Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – 698 с.
3. Владимирцов В.А. *Mongolica* // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. I. – Л.: Изд-во РАН, 1925. – С. 290-325.
4. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Н.К. Дмитриев. Строй тюркских языков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 503-568.
5. Кононов А.Н. Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров» // ИСЛЯ, 1966. Т. 25. Вып. 3. – С. 226-229; Т.28. Вып. 6. – С. 531-538.
6. Валеев Г.К. Работа Е.Ф. Карского над восточными словами русского и белорусского языков // Мова у святле класічнай спадчыны і сучасных прадыгм. – Гродна, 2000. – С. 15-18.
7. Бондалетов В.Д. Тюркские заимствования в русских аргю: учебное пособие к спецкурсу. – Самара: Сам ГПИ, 1991. – 339 с.
8. Добродомов И.Г. Тюркские лексические элементы в восточных и западных языках // Советская тюркология, 1970, №3. – С. 131-134; Добродомов И.Г. Муар, мухояр и мохер // Русская речь, 1967, №2. – С.73-74.
9. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов русского языка. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 336 с.
10. Керими Юнал. Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа: РИНЦ БГУ. – 20 с.
11. Литовская Метрика. Т. I. Книга судных дел. – Петербург: Изд-во Имп. Археограф. Комиссии, 1903. – 873 с.
12. Картотека «Словаря русского языка XI – XVII вв.» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва). Далее все примеры без ссылок в тексте извлечены автором из этой Картотеки.
13. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией Дм. Ив. Довгялло. Вып. XXXII. – Витебск: Типо-литография Бр. Подземских, 1906. – С. 219.
14. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т.3, Ч.2. – М.: Книга, 1989. – 1683+271 с.
15. Słownik staropolski. T.V. Zeszyt 8 (32). – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969; Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa, 1970.

16. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. XXI. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1992.
17. Литовская Метрика. Книга судных дел. - Российская историческая библиотека. Т.XXX. – Юрьев, 1914.
18. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою Комиссиею. Т. IV. 1588-1632. – СПб.: В тип. Эд. Праца, 1851.
19. Словарь русского языка XVIII в. Вып.2. – М.: Наука, 1985. – 247 с.
20. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. – Л.: Наука, 1983. – 193 с.
21. Evliya Çelebi. Seyahatname. C. 9. Anadolu, Suriye, Hicaz (1671 – 1672). – Jstanbul, 1935.
22. См.: Армаган Мустафа. След, теряющийся в глубине веков // DA: Diyalog Avrasya, 2000, № 2. – С. 65-67.
23. Клавихо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403 – 1406 гг. – Сборник ОРЯС Имп. АН. Т. XXVIII. – СПб., 1881.
24. См.: Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л.: Изд-во вост.лит., 1941. – 199 с.
25. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. – М.: Наука, 1983.